

ЭЛИНА ВЕЙЛ

СЕДЬМАЯ СТУДЕНТКА

Её имя стёрли.
Но фотография осталась.

18+

Элина Вейл

Седьмая студентка

«Автор»

2026

Вейл Э.

Седьмая студентка / Э. Вейл — «Автор», 2026

Вера Морозова поступает в закрытую гуманитарную Академию Арсеньева и получает приглашение на семинар, где всегда было только шесть избранных студентов. С её появлением их становится семь. В архиве Вера находит фотографию двадцатитрёхлетней давности. На ней тоже семеро. Лицо одной девушки перечёркнуто чёрными чернилами, её имя исчезло из всех документов, а сама она пугающе похожа на Веру. Когда студент, помогавший расследовать находку, погибает, старая тайна перестаёт быть университетской легендой. За красивыми фасадами Академии скрываются исчезновение, подделка и договор молчать, связывающий преподавателей и влиятельные семьи. А единственным человеком, который остаётся рядом с Верой, становится Глеб Воронцов — наследник одной из этих семей. Чтобы узнать, кем была седьмая девушка, Вере придётся выяснить, почему её собственное прошлое начинается с чужого имени. Её имя стёрли. Но фотография осталась.

© Вейл Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. ПРИГЛАШЕНИЕ	8
ГЛАВА 2. СЕМЬ СТУЛЬЕВ	12
ГЛАВА 3. СЕМЕРО	15
ГЛАВА 4. ТО, ЧТО ОСТАЁТСЯ В АРХИВЕ	18
ГЛАВА 5. ЧУЖОЙ ПОЧЕРК	22
ГЛАВА 6. СЕДЬМОЕ ЛИЦО	24
ГЛАВА 7. ПРАЗДНИК ОСНОВАНИЯ	27
ГЛАВА 8. ВТОРОЙ ЧЕТВЕРГ	31
ГЛАВА 9. ДОМ ВОРОНЦОВЫХ	35
ГЛАВА 10. АННА	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Элина Вейл

Седьмая студентка

СЕДЬМАЯ СТУДЕНТКА

роман

Некоторые имена вычёркивают из архивов не потому, что их хотят забыть.

А потому, что боятся, что их вспомнят.

ПРОЛОГ

На фотографии было семь человек.

Я пересчитала их дважды, а потом ещё раз, медленнее, касаясь ногтем каждого лица. Шесть студентов стояли на широких ступенях Академии Арсеньева: мужчины в тёмных пальто, две девушки в длинных юбках, белые колонны за спиной, первый мокрый снег на каменных перилах. Снимок выцвел по краям и пах пылью, картоном и чем-то кислым, как старые школьные альбомы.

Седьмая девушка стояла чуть в стороне.

Тонкая, тёмноволосая, в пальто не по погоде. Остальные смотрели в объектив, а она — левее фотографа, словно там находился человек, которого никто больше не замечал.

Её лицо было перечёркнуто чёрными чернилами.

Не аккуратно, не одним движением. Кто-то водил пером несколько раз, почти с яростью, но всё равно не сумел стереть её до конца. Под засохшими линиями оставались скулы, тёмные брови, упрямый подбородок. И маленькая родинка под левой бровью.

Я машинально коснулась своей.

За узким окном архива дождь барабанил по жестяному отливу. Было почти девять вечера. Верхний свет давно выключили, и вокруг моей настольной лампы стеллажи уходили в темноту, как улицы незнакомого города.

Я перевернула снимок.

На обороте выцветшими синими чернилами было написано:

Семинар профессора Ветровского. Осень 2003.

Ниже — шесть фамилий.

Константин Воронцов.

Инна Серебрякова.

Павел Рощин.

Максим Корнев.

Наталья Зотова.

Мария Лебедева.

Место для седьмого имени было выскоблено острым предметом вместе с верхним слоем фотобумаги.

— Вера, ты опять решила ночевать среди мёртвых?

Я вздрогнула.

В дверях стоял Кирилл Орлов, архивный стажёр, магистрант второго курса и единственный человек в Академии, который разговаривал со мной так, будто моё поступление сюда не было административной ошибкой.

В руке он держал яблоко.

— Если ты нашла ещё один счёт князя Арсеньева за французское вино, — сказал он, — я отказываюсь восхищаться культурным наследием.

Я молча протянула фотографию.

Кирилл подошёл, жуя. На снимок он посмотрел мимоходом, потом вернулся глазами к нему и перестал жевать.

— Где?

— В коробке семинара Ветровского.

— Какого года?

— Две тысячи третьего.

Он положил яблоко на край стола.

— Покажи коробку.

Я кивнула на стеллаж. Кирилл не пошёл к нему. Сначала ещё раз перевернул фотографию, прочитал фамилии, потом посмотрел на зачёркнутую девушку. Его обычно подвижное лицо стало очень спокойным.

— Не может быть.

— Почему?

— Потому что я три недели описываю личный архив Ветровского. В две тысячи третьем на семинаре было шесть человек.

— На снимке семь.

— Я заметил.

Он наклонил фотографию к свету.

— Ты её знаешь?

— Нет.

— Тогда почему у тебя такое лицо?

Я не ответила. Под его взглядом сходство, которое я сначала приняла за случайность, стало почти неприличным.

— Посмотри на неё нормально, — сказала я.

Кирилл посмотрел. Сначала на девушку, потом на меня.

— Чёрт.

— Спасибо за экспертное заключение.

Он уже не слушал. Подошёл к двери, выглянул в коридор и закрыл её на внутренний крючок.

— Кто ещё видел снимок?

— Никто.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

Кирилл провёл ладонью по волосам.

— Потому что архивы не ошибаются так аккуратно. Они бывают неполными, сгоревшими, затопленными, плохо описанными. Но когда есть фотография человека, а во всех остальных документах человека нет, это не ошибка.

— А что?

— Редактура.

Слово прозвучало почти смешно. Будто кто-то правил не историю жизни, а рукопись.

В коридоре раздались шаги.

Мы оба замолчали.

Кто-то остановился за дверью.

Ручка медленно опустилась вниз.

Раз.

Потом второй.

— Архив закрыт, — громко сказал Кирилл.

Ответа не было.

Шаги удалились.

Кирилл выждал, потом вернулся к столу.

— Забери фотографию.

— Она архивная.

— Сегодня я разрешаю тебе совершить преступление против исторической науки.

— Какая честь.

— Я серьёзно, Вера.

Я спрятала снимок между страницами тетради.

Утром коробки семинара 2003 года в архиве уже не было.

ГЛАВА 1. ПРИГЛАШЕНИЕ

Тремя неделями раньше я впервые увидела Академию Арсеньева из окна автобуса и подумала, что фотографии на сайте ей льстили.

На фотографиях усадьба выглядела почти итальянской: белый фасад, колоннада, парк, спускающийся к озеру. В реальности октябрь делал всё меньше и честнее. Известка на северной стене потемнела от воды. На статуе у ворот не хватало двух пальцев. Ветер гнал по дороге листья, прилипавшие к колёсам чемоданов.

Мне понравилось сразу.

Наверное, потому что я сама приехала сюда без блеска.

Один чемодан, старый ноутбук, пальто из масс-маркета и письмо о полной стипендии, которое я перечитала раз двадцать, пока ехала из Пскова. В письме моё имя выглядело убедительнее, чем в собственной голове.

Академия Арсеньева принимала двадцать четыре магистранта в год на программу «История идей и культурная память». На собеседовании меня трижды спросили, почему я выбрала именно её. Я отвечала про архивы, про профессорский состав и про дипломную работу о частной памяти в семейных письмах. Правильный ответ был проще: потому что это было место, куда такие, как я, обычно не попадали.

У входа в общежитие девушка в жёлтом дождевике курила под козырьком и спорила по телефону.

— Нет, пап, — говорила она. — Я не буду жить в Петербурге и ездить сюда каждый день. Нет. Потому что это два часа. Да, у меня есть водительские права. Нет, машину я тоже не хочу.

Она бросила на меня взгляд, заметила чемодан и прикрыла трубку ладонью.

— Первый курс?

— Да.

— Третий этаж. Лифт умер при Брежнев.

— Спасибо.

— Не благодари. Тебе ещё подниматься.

Так я познакомилась с Алисой Каревой.

Через пять минут выяснилось, что она живёт через две двери от меня, её отец владеет сетью частных клиник, а сама Алиса может за одно предложение дать человеку понять, что знает о мире больше него и немного устала ждать, пока он догонит.

— Морозова? — переспросила она, увидев мою фамилию в списке на двери. — Стипендия Воронцовского фонда?

Я насторожилась.

— Да.

— Тогда поздравляю. Их стипендию редко дают людям без рекомендации.

— У меня не было рекомендации.

— Значит, ты либо очень умная, либо очень удачливая.

— Хочется верить, что первое.

— Всем хочется.

Она улыбнулась и ушла, оставив меня с неопределённым ощущением, что я только что сдала экзамен, о котором никто не предупредил.

Комната оказалась маленькой, но с высоким окном на парк. На столе лежала папка с правилами проживания, карточка библиотеки и карта территории. Главный корпус, северная библиотека, архив, часовня, оранжерея, западное крыло — закрыто на реставрацию.

Я провела пальцем по плану.

Всё выглядело так, будто здесь легко можно было потеряться не только физически.

В первую неделю мы почти не спали. Утром — лекции, днём — архивный практикум, вечером — обязательные чтения. Профессора разговаривали так, словно у каждого из нас дома была хотя бы небольшая личная библиотека на латыни. В столовой подавали гречку и почему-то великолепные булочки с кардамоном. В общежитии батареи грели только по нечётным дням — или мне так казалось.

Я быстро научилась отличать тех, кто поступил сюда ради имени Академии, от тех, кто действительно любил предмет. Первые громче говорили на семинарах. Вторые дольше сидели в библиотеке.

Кирилл относился к третьей категории: людей, которые любили Академию, но не испытывали к ней никакого почтения.

Он нашёл меня в архиве на второй день практикума.

— Ты держишь письмо Арсеньева вверх ногами.

Я перевернула лист.

— Теперь правильно?

— Теперь его хотя бы можно неправильно прочесть.

— Ты сотрудник?

— Звучит слишком официально. Стажёр. По сути, человек, которому отдают коробки, когда у остальных аллергия на пыль.

Он сел напротив.

— Кирилл.

— Вера.

— Стипендия Воронцовского фонда?

Я вздохнула.

— Здесь это написано у меня на лбу?

— Нет, просто всех двадцать четырёх я уже знаю. Ты единственная новая фамилия без семейной легенды.

— Прекрасно. А у тебя какая легенда?

— У меня никакой. Я социальная ошибка системы.

С этого мы и подружились.

К концу второй недели Академия перестала казаться декорацией. Я знала, где у библиотечарши Тамары Павловны спрятан электрический чайник, какой стул скрипит в аудитории 214 и какой дверью лучше не выходить в дождь, потому что водосток льёт прямо на голову.

Глеба Воронцова я тоже научилась узнавать раньше, чем он входил в комнату.

Не по шагам — по тому, как менялась вокруг него атмосфера.

Его фамилия была на половине табличек в Академии. «Реставрация при поддержке фонда Воронцовых». «Воронцовский читальный зал». «Стипендиальная программа Воронцовского фонда». Он мог бы вести себя как наследный принц, но предпочитал выглядеть человеком, которого всё это немного раздражает.

На первом общем семинаре профессор спросил, можно ли считать мемуары надёжным источником.

— Нет, — сказал Глеб.

— Почему так категорично? — спросила преподавательница.

— Потому что люди редко помнят то, что произошло. Обычно они помнят последнюю версию того, что рассказывали себе о произошедшем.

Я записала фразу, а потом разозлилась на себя за то, что записала.

Через неделю он одолжил мне карандаш и попросил вернуть.

— Он что, фамильный? — спросила я.

— Нет. Просто хороший.

— Теперь понятно, как сохраняются состояния.

Он посмотрел на меня секундой дольше, чем требовалось.

— Морозова, да?

— Уже впечатлён моей экономической теорией?

— Пока собираю материал.

Мы не были друзьями.

Даже знакомыми — не особенно.

И всё же, когда в четверг вечером я нашла в почтовом ящике кремовый конверт, первой фамилией, которую я почему-то вспомнила, была его.

На конверте от руки было написано:

Вера Морозова.

Внутри лежала карточка плотной бумаги.

Четверг. 21:00. Северная библиотека.

Внизу — буква V, вдавленная в тёмно-красный сургуч.

Я показала приглашение Кириллу.

Он перестал перебирать каталожные карточки.

— Откуда?

— Почтовый ящик.

— Ты кому-нибудь рассказывала?

— О чём?

— О семинаре.

— Я даже не знала, что он существует.

Кирилл несколько секунд разглядывал сургуч.

— Иди.

— Ты сейчас слишком быстро согласился.

— Потому что мне интересно.

— А если это секта?

— Тогда особенно иди. Потом расскажешь.

— Спасибо за заботу.

— Всегда пожалуйста.

В девять без пяти я стояла перед дверью Северной библиотеки и думала, что нормальный человек вернулся бы в общежитие.

Я никогда особенно не умела быть нормальным человеком в нужный момент.

Дверь была приоткрыта.

Внутри горели свечи.

Не электрические. Настоящие.

Первой моей мыслью было: *как это вообще согласовано с пожарной безопасностью?*

Второй: *зачем я пришла?*

За длинным дубовым столом сидели шесть человек.

Алиса Карева.

Тимур Сафин — философ, тихий и очень высокий.

Лиза Соколова с истории искусства, которую я до этого замечала только потому, что она всегда садилась на крайний стул.

Денис Ланской, сын известного издателя и обладатель способности выглядеть скучающим даже во время собственной речи.

Кирилл.

И Глеб Воронцов.

Он первым увидел меня.

Его лицо сразу стало серьёзным.

— Ты ошиблась дверью.

— Как приятно, что хоть кто-то рад.
— Здесь закрытое мероприятие.
Я подняла приглашение.
— Видимо, не очень закрытое.
Глеб встал.
— Дай посмотреть.
— Есть волшебное слово.
— Морозова.
— Это фамилия, а не волшебное слово.

Алиса негромко фыркнула.
В дальнем конце комнаты открылась дверь.
Вошёл профессор Лев Андреевич Ветровский.

До этого я видела его только на большой лекции. Пятьдесят с лишним, седые волосы, спокойный низкий голос, тёмный костюм без единой случайной складки. Он преподавал историю текста и считался человеком, из-за которого половина абитуриентов вообще подавала документы в Академию.

Ветровский посмотрел на стол, потом на меня.
На секунду он перестал двигаться.
— Ваше имя?
— Вера Морозова.

Профессор взглянул на карточку в моей руке.
— Покажите.

Я передала приглашение.
Он провёл пальцем по сургучу.
— Вы его отправляли? — спросила я.
— Нет.

В комнате стало очень тихо.
Денис перестал вертеть ручку.
— Тогда я, наверное, пойду.
Ветровский поднял на меня глаза. Что-то в его лице изменилось, но я не поняла что.
— Нет, — сказал он. — Оставайтесь.

Глеб нахмурился.
— Лев Андреевич, мест шесть.
— Я помню правила собственного семинара, Воронцов.
Профессор положил моё приглашение рядом со своей папкой.
— Сегодня вас будет семь.
И погасил ближайшую свечу.

ГЛАВА 2. СЕМЬ СТУЛЬЕВ

Первый вопрос Ветровского был настолько простым, что никто не хотел отвечать первым.
— Что важнее: событие или свидетельство о нём?

Он не раздал тексты, не открыл книгу и вообще не сел. Стоял у камина, где вместо огня мерцали две лампы, и ждал.

Алиса сдалась первой.

— Событие существует независимо от свидетельства.

— Существует для кого? — спросил Ветровский.

— Для участников.

— А если все участники умерли?

— От этого оно не перестаёт быть событием.

— Но перестаёт быть доступным нам.

Алиса поджала губы.

Денис сказал, что в историческом смысле событие без свидетельства почти не существует. Тимур начал говорить о коллективной памяти. Лиза привела пример с реставрацией картины: иногда мы видим только верхний слой, хотя нижний физически остаётся.

Ветровский впервые одобрительно кивнул.

— Воронцов?

Глеб крутил между пальцами тот самый хороший карандаш.

— История принадлежит тому, кто переживёт остальных и получит доступ к архиву.

— Цинично.

— Вы спрашивали не о морали.

Профессор перевёл взгляд на меня.

— Морозова?

Я всё ещё думала о приглашении, которое он не отправлял.

— Свидетельство важнее.

— Почему?

— Потому что событие происходит один раз. А свидетельство можно переписывать сколько угодно.

— И если уничтожить все свидетельства?

— Тогда кто-то очень сильно боится самого события.

Ветровский задержал на мне взгляд.

— Хорошо.

Дальше мы два часа обсуждали письмо французского дипломата XVIII века, в котором тот описывал смерть человека, не называя его имени. Я ждала чего-то театрального — тайных клятв, масок, хотя бы ещё одного сургучного конверта. Ничего не произошло. Был просто очень сложный семинар, после которого я вышла с ощущением, что последние два года училась читать неправильно.

В коридоре меня догнал Глеб.

— Где ты взяла приглашение?

— В почтовом ящике.

— Кто мог его туда положить?

— Почтальон? Тайный орден? Ты выбирай.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Понятия не имею.

Он забрал у меня карточку прежде, чем я успела возмутиться, поднёс ближе к окну.

— Печать настоящая.

- Ты специалист по сургучу?
- Эта печать хранится у Ветровского. Приглашения всегда одинаковые.
- Значит, он врёт.
- Возможно.
- А возможно?

Глеб вернул карточку.

- Кто-то имеет доступ к его кабинету.

Мы шли по застеклённой галерее. Снаружи дождь превратился в мокрый снег, и парк исчезал в серой пелене.

- Ты давно в этом семинаре? — спросила я.
- Третий год.
- Магистратура же два.
- Он иногда берёт старших бакалавров.
- Почему именно вас шестеро?
- Потому что Ветровский так решил.
- Очень содержательно.
- Другого ответа никто не знает.

У лестницы он остановился.

- Ты раньше бывала в Академии?

— Нет.

— Уверена?

— Мне двадцать два, а не восемьдесят два. Я бы запомнила.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Он посмотрел на меня так, будто хотел спросить что-то ещё, но передумал.

- До следующего четверга, Морозова.
- Ты уже смирился с седьмым стулом?
- Нет.
- Отлично.

На следующий день у нас была лекция Ветровского для всего курса. Он говорил о палимпсестах — рукописях, с которых старый текст соскабливали, чтобы поверх написать новый.

На экране появился снимок пергамента: тёмные буквы поверх едва заметных старых строк.

— Уничтожение редко бывает полным, — сказал профессор. — Чаще мы имеем дело не с исчезновением, а со слоем. Старое остаётся под новым и рано или поздно проступает.

В аудитории кто-то печатал. Кто-то листал телефон. Я смотрела на Ветровского и думала о моём приглашении.

После лекции Кирилл ждал меня в коридоре.

— Ну?

— Секта разочаровала. Жертвоприношений нет.

— Дай им время.

— Ты там сидел рядом со мной.

— Я стажёр. Нас обычно приносят в жертву первыми.

Мы пошли в столовую. Кирилл взял суп, два пирожка и кофе, который пах хуже, чем выглядел.

- Что ты знаешь о семинаре? — спросила я.
- Больше слухов, чем фактов.
- Давай слухи.

— Он существует лет двадцать пять. Ветровский набирает не каждый год. Почти всегда шесть человек. Многие потом делают хорошую карьеру.

— Из-за семинара?

— Или потому что туда берут тех, кто и без него сделал бы карьеру.

— Почему тебя взяли?

Кирилл усмехнулся.

— Вот это по-настоящему обидный вопрос.

— Ты сам сказал, что социальная ошибка системы.

— Может, Ветровский любит разнообразие.

Он откусил пирожок и, уже жуя, добавил:

— Есть ещё одна странность.

— Какая?

— У семинара нет официальной программы.

— И?

— У всего в Академии есть программа. Даже у факультативной экскурсии по парку. А у семинара, который существует четверть века, — нет.

— Может, профессор просто ненавидит бюрократию.

— Ветровский? Он ставит дату на собственных закладках.

Я рассмеялась.

— Ты выдумал.

— Хотел бы.

Кирилл достал телефон и показал фотографию книги из кабинета профессора. Между страницами торчала узкая полоска бумаги: **12.10.26, с. 146.**

— Психопат.

— Вот и я говорю.

Вечером я нашла на подоконнике у своей комнаты сложенный пополам лист.

Без конверта.

Внутри одна строка:

Седьмое место никогда не бывает свободным.

Я отнесла записку Кириллу.

Он прочитал и впервые не пошутил.

— Покажи Ветровскому.

— Ты же сам говорил идти на семинар.

— Я говорил, когда это было любопытно. Сейчас кто-то играет с тобой лично.

— Может, Алиса.

— Алиса написала бы грамотнее и на бумаге дороже.

— Глеб?

— Он слишком ленив для анонимных записок.

— Спасибо, Шерлок.

Кирилл вернул лист.

— Просто не ходи одна по западному крылу ночью.

— Я вообще туда не хожу.

— Хорошая привычка. Сохрани.

На двери архива за его спиной висела старая фотография сотрудников. Ветровский стоял в центре, лет на двадцать моложе. Я задержала взгляд, и Кирилл заметил.

— Хочешь посмотреть ранние материалы семинара?

— А они есть?

Он улыбнулся.

— Вера, это архив. Здесь есть всё. Вопрос только в том, под каким названием оно лежит.

ГЛАВА 3. СЕМЕРО

После первого семинара никто не хотел расходиться.

Это, наверное, было частью расчёта Ветровского. Два часа он заставлял нас спорить о чужих письмах, свидетельствах и лжи, а потом просто сказал «до следующего четверга» и оставил в состоянии, когда обычный разговор казался слишком тихим.

Мы пошли в столовую, хотя она официально закрывалась в десять. Кирилл знал женщину на раздаче и выпросил чайник, семь кружек и тарелку вчерашних булочек.

— Тайное общество экономкласса, — сказала Алиса, рассматривая булочку.

— У богатых сект свои помещения, — ответил Кирилл. — Нам достался компот.

— Ты только что сидел за одним столом с двумя наследниками крупных состояний.

Денис поднял голову.

— Почему двумя?

Алиса указала на него и Глеба.

— А, — сказал Денис. — Я думал, ты считаешь себя.

— Мои родители работают. Это другое.

— Изящная классовая теория.

Я сидела между Тимуром и Лизой и впервые могла разглядывать участников не как фамилии вокруг загадочного стола.

Тимур оказался из Казани, закончил философский факультет и говорил медленно не потому, что был застенчивым, а потому что действительно формулировал мысль до того, как открыть рот. Его это отличало от большинства людей в Академии.

Денис родился в Москве, трижды менял направление бакалавриата и в итоге пришёл в историю книги, потому что, по его словам, «это единственная семейная область, где мать пока не может мной командовать».

Лиза училась на реставратора до перевода в магистратуру. Она говорила мало, но знала про здания Академии больше всех.

— Правда, что в западном крыле есть замурованная лестница? — спросил Кирилл.

— Правда.

— Куда ведёт?

— Никуда. Её перекрыли после пожара в шестидесятых.

— Разочарование.

— Ты ожидал подземный ход?

— Всегда.

Алиса, как выяснилось, выросла между Москвой и Женевой и ненавидела, когда люди называли это «интересным детством».

— Это было детство в аэропортах, — сказала она. — Романтика заканчивается после десятого пропущенного дня рождения.

Глеб почти ничего о себе не рассказывал.

— У него биография написана на стенах, — заметил Денис.

— Именно поэтому я молчу, — ответил он.

Кирилл повернулся ко мне.

— Морозова?

— Что?

— Теперь твоя очередь. Почему Академия?

— Нравится учиться.

— Ложь, — сказал Денис.

— Почему?

— Никто не приезжает жить в бывшую усадьбу посреди сырого леса просто потому, что нравится учиться.

— А ты?

— Я убегаю от матери.

— Ты только что сказал.

— Да. Видишь, как легко быть честным.

Все смотрели на меня, и я внезапно почувствовала старое раздражение. В школе вопросы про планы всегда звучали как проверка, достаточно ли у меня амбиций. Здесь — как будто за простым ответом обязана скрываться красивая личная легенда.

— Потому что меня сюда взяли на полную стипендию, — сказала я. — И потому что я не могла позволить себе отказаться от места, на которое хотела попасть.

Алиса кивнула, словно ответ её устроил.

Глеб спросил:

— Воронцовская стипендия?

— Да.

— Ты сама подавалась?

— А кто ещё?

— Ничего.

Он посмотрел в кружку.

Я заметила.

— Что?

— Я сказал «ничего».

— Ты сказал это слишком содержательно.

— Отец иногда лично просматривает финалистов.

— И?

— И твоя фамилия мне знакома.

— Мы раньше встречались?

— Нет.

— Тогда откуда?

Он пожал плечами.

— Может, видел список.

Это был первый маленький момент, который позже стал выглядеть уликой.

Тогда я просто решила, что Глеб страдает наследственной неспособностью объяснять мысли до конца.

Кирилл разлил чай.

— У меня предложение.

— Уже страшно, — сказала Алиса.

— Раз семинар секретный, давайте хотя бы сами договоримся, что оттуда не выносим личное.

— Что значит личное? — спросил Тимур.

— Если кто-то говорит о семье, отношениях, чём-то таком. Не обсуждаем снаружи.

Денис усмехнулся.

— Мы пока два часа говорили о французском дипломате.

— Ветровский любит доводить разговор до людей. Дойдёт.

— И телефоны? — спросила Лиза.

— Что телефоны?

— В семинаре. Может, лучше не записывать.

Глеб посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что закрытый разговор перестаёт быть закрытым в момент, когда у семи человек есть по микрофону в кармане.

Это прозвучало разумно.

На следующей встрече мы действительно стали оставлять телефоны в деревянной коробке у двери.

Позже я много думала об этой инициативе.

Она принадлежала Лизе.

Но в тот вечер никто не придавал ей значения.

Мы ели вчерашние булочки, смеялись над Ветровским и ещё не знали, что через несколько месяцев двое из семи стульев будут пустыми.

ГЛАВА 4. ТО, ЧТО ОСТАЁТСЯ В АРХИВЕ

На поиск ушло четыре дня.

Мы не могли просто запросить «тайные материалы профессора Ветровского», поэтому Кирилл начал с фондовых описей кафедры, а я — с ежегодных отчётов. Между занятиями мы сравнивали фамилии, даты и номера коробок. Иногда получалось добыть целую папку, иногда — только карточку, сообщавшую, что папка когда-то существовала.

Я быстро поняла, почему Кирилл любит архивы.

В библиотеке книга хотя бы признаётся, что хочет быть прочитанной. Архив ничего тебе не обещает. Ты можешь три часа развязывать серые тесёмки, чтобы в итоге найти ведомость на закупку шторм. А можешь открыть случайную папку и получить письмо человека, который сто лет назад написал любовнице: «Я больше не способен жить среди этих людей».

— Вот за это я здесь, — сказал Кирилл, когда я показала находку. — Узнаваемость сквозь столетия.

— Может, он просто работал в Академии.

— Тогда особенно.

В среду вечером мы нашли первое упоминание семинара.

Отчёт 2006 года.

«Закрытый исследовательский семинар профессора Л. А. Ветровского. Шесть участников.»

В 2005 — тоже шесть.

В 2004 записи не было.

В 2003 — отдельная коробка, переданная в личный фонд профессора.

— Почему две тысячи четвёртый пропущен? — спросила я.

— Может, семинара не было.

— После чего?

Кирилл посмотрел на меня поверх монитора.

— Вот сейчас ты начинаешь звучать как человек, которому нельзя давать доступ к архиву после восьми вечера.

— Ты сам меня сюда привёл.

— Я совершаю много ошибок.

Карточка фонда указывала номер стеллажа.

Коробка оказалась на месте.

На крышке аккуратным почерком было написано: **Ветровский Л. А. Семинар. 2003.**

Внутри лежали ведомости, тезисы докладов, старые распечатки, несколько писем и фото-плёнка в бумажном конверте. Мы начали по очереди.

Через двадцать минут я нашла снимок.

Тот самый, который позже будет лежать передо мной под настольной лампой, когда кто-то попытается войти в закрытый архив.

Сначала я увидела семь фигур.

Потом зачёркнутое лицо.

Потом — родинку.

— Кирилл.

Он не сразу отозвался.

— М-м?

— Иди сюда.

Через минуту он уже не улыбался.

Мы просмотрели всё содержимое коробки.

Шесть официальных фамилий повторялись везде.

Седьмой не было.

Ни в ведомости.

Ни в списке тем.

Ни в журнале посещений.

Ни в отчёте кафедры.

— Найдём по фотографии, — сказал Кирилл.

В 2003 году на факультете училось сто восемьдесят три человека. Девушек с тёмными волосами — примерно половина. Мы стали сверять групповые снимки, личные дела, списки академических отпусков.

Ничего.

Не нашлось даже очевидного кандидата: студентки, отчисленной в середине года или переведённой с другой программы.

В десять вечера я сидела на полу между коробками, ела сухое печенье из автомата и ненавидела всех, кто когда-либо создавал бумажные документы без поисковой строки.

Кирилл пролистывал подшивку академической газеты.

— Есть ноябрь.

— И?

— Страница вырезана.

Я поднялась.

Не вырвана случайно. Вырезана ровным прямоугольником.

В декабрьском номере отсутствовала половина хроники.

— Это уже не смешно, — сказала я.

— А раньше было?

— Немного.

Кирилл сложил газету.

— Пойдём.

— Куда?

— В журнал доступа.

— За две тысячи третий?

— В подвале хранятся старые книги охраны. Если их не списали.

Подвал Академии был именно таким, каким подвал старой усадьбы обязан быть в плохом романе: низкие своды, трубы, голые лампочки и двери без подписей. Единственное, что разрушало атмосферу, — ярко-синий пластиковый таз под текущей трубой.

Книги охраны нашлись в металлическом шкафу.

Мы просмотрели ноябрь.

17 ноября выделялось количеством ночных записей.

22:10 — Константин Воронцов.

22:18 — Инна Серебрякова.

22:31 — Л. А. Ветровский.

23:46 — вызов врача, фамилия неразборчива.

00:12 — автомобиль, номер вписан карандашом.

— Что здесь происходило? — спросила я.

Кирилл снял запись на телефон.

— Не знаю.

На внутренней стороне задней обложки кто-то написал карандашом:

А.Б. 17.11.03

Две буквы.

Я провела по ним пальцем.

— Анна Белова, — сказала я наугад.

— Почему Белова?

— Не знаю. Первое, что пришло в голову.

Кирилл сфотографировал надпись.

Мы поднялись наверх уже после одиннадцати.

Именно тогда кто-то попробовал открыть дверь архива.

Кирилл настоял, чтобы фотографию забрала я.

На следующее утро коробка исчезла.

Не переместилась в другой фонд. Не была выдана сотруднику. Не значилась в журнале.

Заведующая архивом, Тамара Павловна, посмотрела на пустое место и нахмурилась.

— Вы уверены, что номер был 4/17?

— Я сама доставала её отсюда.

— Может, поставили не туда.

Кирилл ничего не сказал при ней.

Только когда мы вышли в коридор, достал телефон.

— Смотри.

Он открыл систему электронного учёта.

Карточки **«Ветровский Л. А. Семинар. 2003»** больше не существовало.

— Вчера была, — сказала я.

— Да.

— Кто может удалить запись?

— Четыре человека.

— Ты?

— Нет. У меня доступ на описание, не на удаление.

— Тамара Павловна?

— Да.

— Ветровский?

— Через заведующую кафедрой — фактически да.

— Ректор?

Кирилл кивнул.

Мы вернулись к компьютеру и ещё минут сорок проверяли журналы изменений. Электронная система хранила не содержание удалённой карточки, а только время операции и учётную запись с правами администратора.

Карточку удалили в 7:14 утра.

— Ты в это время уже был здесь? — спросила я.

— Я пришёл в восемь сорок.

— Тамара Павловна?

— Она приходит к девяти.

— Значит, кто-то вошёл удалённо?

— Или с административного компьютера.

Кирилл увеличил строку лога и выругался себе под нос. В графе рабочего места стояло сокращение **R-1**.

— Что это?

— Ректорат, первый этаж.

На секунду меня охватило удовлетворение человека, которому наконец досталась красивая улика.

Кирилл закрыл окно.

— Не радуйся.

— Почему?

— Потому что лог показывает компьютер, а не человека. У секретаря ректора есть доступ. У системного администратора. Иногда Тамара Павловна работает оттуда, когда подписывает списания. Даже я дважды заходил в каталог из ректората, когда у нас падала сеть.

— Ты сейчас очень мешаешь моему расследованию.

— Я пытаюсь не дать ему стать плохим сериалом.

В этот момент дверь открылась.

Лиза вошла с большой серой папкой под мышкой и остановилась, увидев нас.

— Вы тут живёте?

— Кирилл да, — сказала я. — Я пока снимаю.

— Очень смешно.

Она положила папку на стойку выдачи.

— Мне нужны реставрационные отчёты по западному крылу. Девяностые и начало двухтысячных.

Кирилл посмотрел на неё поверх монитора.

— Для курса?

— Для проекта Мельниковой. Она решила, что я за одну неделю способна выяснить, чем покрывали рамы в Зеркальной галерее до реставрации.

— Очевидно, верит в тебя.

— Или ненавидит.

Пока Кирилл оформлял выдачу, Лиза заметила у меня в руках лист с журналом доступа.

— Что ищете?

Я сложила бумагу пополам.

— Пока не знаем.

Она не обиделась.

— Лучший ответ для архива.

Кирилл вернулся с коробкой.

— Соколова, только за столом. Там фотографии на кальке, если погнёшь — Тамара Павловна похоронит тебя в этом же фонде.

— Она сначала составит акт.

— Разумеется.

Лиза устроилась у дальней лампы и действительно больше не обращала на нас внимания. Через десять минут я почти забыла, что она рядом.

Позже я вспоминала этот эпизод несколько раз и каждый раз злилась на себя за желание превратить его в предзнаменование. Тогда Лиза просто пришла за документами. Кирилл просто выдал ей коробку. Мы просто сидели в одном помещении.

Не всё, что случается до преступления, является уликой.

Но именно из таких обычных совпадений потом и приходится выбирать те, которые что-то значили.

Инна Серебрякова.

Одна из шести фамилий на фотографии.

ГЛАВА 5. ЧУЖОЙ ПОЧЕРК

После исчезновения коробки 2003 года Кирилл перестал оставлять найденное в одном месте.

— У меня теперь три резервные копии, — сообщил он. — Одна дома, одна у человека, который не знает, что хранит, и одна в облаке с таким названием, что ни один уважающий себя преступник не откроет.

— Каким?

— «Налоговые документы 2018».

— Гениально.

— Спасибо.

Фотографию Анны он заставил меня носить с собой.

— Почему я?

— Потому что тебя ещё не считают человеком из архива.

— Очень утешительно.

— А меня, судя по исчезнувшей коробке, уже считают.

Мы начали искать не имя Анны, а её следы.

Если человека удалили из списков, он всё равно мог остаться в чужих документах: в списке литературы, на полях общей работы, в подписи к книге.

Первую настоящую находку сделали в фонде студенческих эссе.

Там лежали лучшие работы каждого года без отдельных личных дел. В папке 2002 года я нашла текст без титульной страницы.

Тема: **«Кому принадлежит рукопись после смерти автора?»**

На последней странице стояли инициалы **А.Б.**

— Может быть любая А.Б., — сказал Кирилл.

— Может.

Я начала читать.

Автор спорил с идеей, что архивист обязан быть «невидимым посредником». На полях Ветровский красной ручкой написал: **«Слишком категорично. Архив не суд».**

Ниже студентка ответила зелёным:

«Тогда почему он выносит приговор, решая, что оставить?»

— Это она, — сказала я.

— По цвету ручки?

— По характеру.

— Ты знаешь её четыре дня по фотографии.

— И уже узнаю.

Кирилл отсканировал страницы.

Дальше была ещё одна пометка Ветровского:

«Вы путаете исключение и уничтожение».

Ответ:

«Исключённое тоже исчезает для того, кто не знает, где искать».

Я провела пальцем по строчке.

— Как будто она написала инструкцию к собственной истории.

Кирилл не ответил.

На обороте последнего листа находился список книг и короткая приписка:

«П. опять спрятал мою зелёную ручку. Мелочный человек».

— Паша? — спросила я.

— Роцин.

— Они были близки.

— Похоже.

В соседней папке нашлась фотография студенческой конференции. Анна сидела во втором ряду рядом с Павлом. Он наклонился к ней, что-то говорил, она смеялась.

Не любовь на века. Просто два человека в моменте.

Мне стало неприятно от собственного желания рассматривать.

— Чувствую себя человеком, который читает чужую переписку, — сказала я.

— Ты и есть человек, который читает чужую переписку. Добро пожаловать в архивистику.

— Не помогает.

— И не должно. Если перестаёт быть неловко, пора менять работу.

Кирилл забрал фотографии на сканирование.

Мы вышли из архива после восьми.

На лестнице столкнулись с Лизой.

Она несла стопку каталогов.

— Вы здесь живёте?

— Почти, — сказал Кирилл.

Лиза заметила папку у него под мышкой.

— Что нашли?

— Студенческие эссе.

— По семинару?

Кирилл ответил слишком быстро:

— Нет.

Лиза посмотрела на него секунду, потом на меня.

— Ладно.

Она ушла вниз.

— Зачем соврал? — спросила я.

— Не знаю.

— Очень научный подход.

— Инстинкт.

Через пару ступеней он остановился.

— Она вчера спрашивала у Тамары Павловны старые финансовые отчёты фонда Соколова.

— И?

— Ничего. Просто странно для истории искусства.

— Может, по реставрации.

— Может.

Мы пошли дальше.

Тогда это тоже не казалось важным.

Таких мелочей в истории было много.

Проблема в том, что значение они получали только после того, как становилось поздно.

ГЛАВА 6. СЕДЬМОЕ ЛИЦО

Я решила начать с человека, который мог увидеть фотографию раньше меня.

Глеб сидел в столовой у окна, читал что-то на планшете и ел творог с таким выражением, будто это была дисциплинарная мера.

Я положила снимок рядом с его чашкой.

Он взглянул и перестал листать экран.

Никакого «что это?» не последовало.

— Где ты её взяла?

— Неправильный первый вопрос.

— Верни в архив.

— Уже некуда. Коробка исчезла.

Он поднял глаза.

— Что значит исчезла?

— То и значит.

Глеб взял фотографию. На зачёркнутую девушку почти не посмотрел; его взгляд сразу пошёл по остальным лицам.

— Ты её видел.

— Да.

— Где?

Он помолчал.

— У отца.

— Такая же?

— Почти.

— Что значит почти?

— На его снимке лицо не зачёркнуто.

Я придвинула стул и села.

— Кто она?

— Не знаю.

— Ты плохой лжец.

— Обычно мне говорят обратное.

— Обычно люди, видимо, хотят тебе понравиться.

На секунду уголок его рта дёрнулся.

— Я знаю только имя. Анна.

У меня возникло странное ощущение, будто кто-то произнёс слово, которое я уже слышала во сне.

— Фамилия?

— Отец не говорил.

— Ты спрашивал?

— Когда мне было пятнадцать.

— И тебя устроило «Анна»?

— Меня тогда больше интересовало, почему отец хранит фотографию студентов двадцатилетней давности в закрытом ящике.

— А сейчас?

— Сейчас меня интересует, почему она у тебя.

Я рассказала про коробку, журнал охраны и инициалы А.Б.

Глеб не перебивал. Когда я закончила, он попросил снимок ещё раз.

— Можешь сфотографировать отцовскую копию?

- Он хранит её дома.
- Значит, сфотографируй дома.
- Ты предполагаешь, что я регулярно обыскиваю его кабинет?
- Ты учишься в тайном семинаре. У тебя уже нет морального преимущества.
- Хороший аргумент.
- Он вернул фотографию.
- Не показывай её Серебряковой.
- Почему?
- Пока не поймём, что произошло.
- Это прозвучало почти как предложение помочь.
- Не привыкай.
- Я уже поднялась, когда он сказал:
- Вера.
- Что?
- Ты сама не видишь?
- Я знала, о чём он.
- Что именно?
- Вы похожи.
- Две брюнетки. Сенсация.
- Не волосы.
- Он указал на мою левую бровь.
- Я коснулась родинки.
- Это ничего не значит.
- Возможно.
- Я хотела уйти, но вместо этого спросила:
- Почему ты в первый вечер спросил, бывала ли я здесь раньше?
- Глеб отвёл взгляд к окну.
- Потому что, когда ты вошла в библиотеку, Ветровский посмотрел на тебя так, будто уже видел.
- Может, на вступительном собеседовании.
- Он не был в комиссии.
- Тогда перепутал.
- Может быть.
- Он сказал это без уверенности.
- В тот вечер я позвонила маме.
- Мы созванивались обычно по воскресеньям, и поэтому она сразу спросила:
- Что случилось?
- Ничего. Просто хотела услышать тебя.
- Ты ешь нормально?
- Мам.
- Что? Это важный вопрос.
- Я смотрела на фотографию, лежавшую на столе под лампой.
- У тебя была знакомая по имени Анна?
- Пауза длилась меньше секунды.
- Но я её слышала.
- Какая Анна?
- Не знаю. Может, родственница. Девушка примерно твоего возраста, училась в Академии Арсеньева в две тысячи третьем.
- Почему ты спрашиваешь?

— Нашла фотографию.
— Вера, не надо копаться в чужих историях.
Это было совсем не то, что я ожидала.
— Почему чужих?
— Я просто говорю, что у тебя учёба.
— Мам, у тебя была сестра?
Теперь тишина продлилась дольше.
— Нет.
Слишком быстро.
— Уверена?
— Что за вопрос?
— Обычный.
— Нет, не обычный. У меня не было сестры.

Она сменила тему — спросила, холодно ли в общежитии, пришла ли стипендия, купила ли я сапоги. Я позволила ей.

После разговора долго сидела с телефоном в руке.

Потом открыла папку со старыми семейными фотографиями.

Мама не любила сниматься. Из её юности у меня было всего несколько кадров. На одном ей восемнадцать. Она стоит рядом с бабушкой на даче, щурится от солнца, волосы собраны в высокий хвост.

Я увеличила изображение.

Под левой бровью у неё не было родинки.

Конечно, это ничего не доказывало.

Я знала.

И всё равно той ночью впервые за много лет вспомнила одну детскую странность.

В начальной школе я принесла домой задание: сделать семейное дерево. Мама помогла написать имена бабушки и дедушки, потом быстро собрала фотографии и сказала, что дальше копаться не нужно.

На вопрос, почему у неё нет детских снимков до десяти лет, она ответила: «Переезды. Всё потерялось».

Мне тогда было восемь. Я поверила.

Теперь я впервые подумала: а если не потерялось?

ГЛАВА 7. ПРАЗДНИК ОСНОВАНИЯ

Каждую осень Академия устраивала праздник основания — мероприятие, которое все публично называли нелепым, а потом три дня обсуждали, в чём идти.

Алиса одолжила мне чёрное платье.

— Вернёшь без красного вина.

— А белое можно?

— Белое можешь пролить на себя.

— Ты удивительно щедрая.

— Я просто хочу, чтобы рядом со мной на фотографиях люди выглядели прилично.

К семи вечера главный корпус перестал быть учебным зданием. В холле зажгли старые люстры, по лестнице расставили свечи в стеклянных колбах, а преподаватели вдруг оказались людьми, которые умеют держать бокал и говорить не только о библиографии.

На стенах висели портреты Арсеньевых. Оркестр из студентов консерватории играл что-то лёгкое. За окнами шёл первый нормальный снег — крупный, мокрый, сразу таявший на дорожках.

Я не собиралась искать Ветровского.

Разумеется, именно поэтому заметила его почти сразу.

Он разговаривал с ректором Серебряковой.

На фотографии 2003 года Инне Серебряковой было около двадцати. Сейчас — чуть больше сорока. Она сохранила ту же прямую осанку и привычку смотреть на собеседника с лёгким наклоном головы, будто давала ему шанс сформулировать мысль лучше.

Ветровский сказал что-то тихо.

Серебрякова резко повернулась в мою сторону.

Наши взгляды встретились через зал.

Она знала, кто я.

Не как ректор знает студентку. По-другому.

Я почувствовала это настолько ясно, что перестала слышать музыку.

— Если собираешься сверлить ректора глазами, делай это менее заметно.

Глеб встал рядом со мной.

На нём был тёмный костюм без галстука. Несправедливо удачное сочетание небрежности и денег.

— Она сама на меня смотрит.

— Все ректоры иногда смотрят на студентов. Это часть работы.

— Она знает Анну.

Глеб отпил из бокала.

— Конечно знает. Они учились вместе.

Я повернулась к нему.

— Ты это сейчас говоришь?

— Ты не спрашивала.

— Я спрашивала, кто Анна.

— Я сказал всё, что знал.

— Нет. Ты сказал ровно столько, сколько решил сказать.

— Добро пожаловать во взрослый мир.

— Невыносимый человек.

— Мне это часто говорят.

Я ушла раньше, чем успела придумать более точное оскорбление.

У лестницы меня перехватила Лиза.

Она держала две тарелки с тарталетками.

— Возьми одну, иначе я буду выглядеть человеком, который ест за двоих.

— Спасибо.

Мы отошли к окну.

Лиза была из тех людей, чьё присутствие не замечаешь, пока они не скажут что-нибудь точное.

— Ты теперь в семинаре Ветровского, — сказала она.

— Похоже на диагноз.

— Иногда так и есть.

— Ты давно там?

— Второй год.

— Знаешь, почему выбрали тебя?

Она пожала плечами.

— Я писала работу о реставрации Арсеньевского кодекса.

— Того самого?

Кодекс был главной академической реликвией — рукопись XVII века, обнаруженная здесь в начале двухтысячных. Я видела его за стеклом в музейной комнате.

— Того самого. Ветровский тогда был одним из экспертов.

— Ты его изучала вживую?

— Только под стеклом. Оригинал почти никому не дают.

Она посмотрела в сторону Серебряковой.

— Есть вещи, на которых держится репутация институции. Их предпочитают не трогать без необходимости.

Мне не понравилось, как это прозвучало.

— А если необходимость есть?

Лиза улыбнулась.

— Тогда лучше быть очень уверенной в себе.

К полуночи праздник переместился из официального холла в несколько неофициальных комнат общежития. Алиса нашла бутылку вина. Денис принёс сыр, который явно стоил больше моей недельной еды. Тимур сидел на полу у батареи и спорил с Кириллом о том, обязан ли историк публиковать правду, если она разрушит жизнь живого человека.

— Обязан, — сказал Кирилл.

— Это удобная позиция, пока жизнь не твоя, — ответил Тимур.

— Тогда честность вообще можно отменить. Всегда найдётся чья-то жизнь.

— Иногда молчание не трусость.

— Иногда. Но трусость очень любит переодеваться в ответственность.

Я сидела на подоконнике, слушала и думала о том, как точно разговор попал в нашу историю.

Глеб пришёл позже всех.

Алиса подняла бровь.

— Наследник явился к простым смертным.

— Отец задержал.

— Учит управлять империей?

— Учит не разговаривать с журналистами после второго бокала.

Он сел рядом со мной.

— Ты злишься?

— Нет.

— Значит, да.

— За то, что ты скрыл очевидно важную информацию? С чего бы.

Глеб достал телефон.

— Я сделал то, что ты просила.

На экране была фотография фотографии.

Та же лестница. Те же семь человек.

Лицо Анны — целое.

Я увеличила снимок.

Воздух как будто стал плотнее.

В ней не было ничего мистического. Обычная молодая девушка: волосы растрепал ветер, воротник пальто чуть перекошен, на губах почти улыбка. Именно это оказалось страшнее всего. Она не была призраком из чужой истории.

Она была живой.

И она действительно была на меня похожа.

— На обороте есть фамилия? — спросила я.

Глеб открыл вторую фотографию.

Анна Белова.

Белова.

Так звали мою бабушку до замужества.

Я не сразу заметила, что перестала дышать нормально.

— Вера?

— Мне надо выйти.

Глеб пошёл за мной.

Мы спустились во двор. Снег мгновенно растаял у меня на голых плечах.

— Держи.

Он накинул на меня свой пиджак.

— Не надо.

— Ты дрожишь.

— Я не от холода.

— Всё равно.

Я прислонилась к каменной колонне.

— Белова — девичья фамилия моей бабушки.

Глеб ничего не сказал.

— Мама сказала, что у неё не было сестры.

— Может, совпадение.

— Ты сам в это веришь?

— Нет.

За нашими спинами распахнулась дверь. Ветровский вышел на крыльцо.

Увидел нас.

Увидел телефон в моей руке.

И понял, что именно я рассматриваю.

Он подошёл медленно.

— Где вы взяли эту фотографию?

— У отца Глеба.

Ветровский закрыл глаза на секунду.

— Как её звали? — спросила я.

— Вы уже знаете.

— Кто она мне?

Он посмотрел на меня так, как смотрят на человека перед плохой новостью, когда ещё можно отложить её на несколько секунд.

— Вам следует поговорить с матерью.

— Я говорила.

— Ещё раз.

— Она врёт.

Ветровский не возразил.

— Что произошло семнадцатого ноября две тысячи третьего?

Его лицо изменилось.

Теперь я была уверена: дата попала в цель.

— Кто сказал вам про семнадцатое?

— Архив.

— Какой именно документ?

— Значит, что-то произошло.

Ветровский посмотрел на Глеба.

— И ты спроси отца.

— О чём?

— О том же.

Он ушёл обратно в корпус.

Глеб проводил его взглядом.

— У тебя завтра есть планы?

— Теперь уже нет.

— Поедем к отцу.

— Он согласится?

— Нет.

— Тогда зачем?

Глеб забрал у меня пустой бокал, который я зачем-то всё ещё держала.

— Потому что у него есть слабость.

— Какая?

— Он уверен, что в своём доме контролирует всё.

ГЛАВА 8. ВТОРОЙ ЧЕТВЕРГ

На втором семинаре Ветровский поставил перед нами деревянную коробку.

— Телефоны.

Я посмотрела на Лизу.

Она пожала плечами: предложение принято.

Денис положил смартфон первым.

— Если родители потеряют меня на два часа, фондовый рынок выдержит?

— Проверим, — сказал Глеб.

Когда коробка закрылась, Ветровский раздал семь одинаковых конвертов.

— Внутри у каждого документ. Шесть подлинных. Один подделан мной сегодня утром.

У вас сорок минут, чтобы решить, какой.

— По одному документу каждому? — спросила Алиса.

— Да.

— Тогда невозможно сравнивать.

— Можно разговаривать.

— Мы можем показывать друг другу?

— Нет.

Кирилл усмехнулся.

— То есть вы создали эксперимент на доверие.

— Я создал задание.

— Конечно.

Мне досталась записка конца XIX века от управляющего усадьбой. Бумага выглядела старой, чернила выцвели. Текст касался пропавших денег из кассы.

Мы начали задавать друг другу вопросы.

Денис получил газетную заметку.

Тимур — страницу дневника.

Алиса — официальный отчёт.

Лиза — письмо.

Глеб — фотографию с подписью.

Кирилл — телеграмму.

Постепенно стало ясно, что задача почти не о предметах. Чтобы определить подделку, нужно было решить, кто из нас точно описывает свой документ, а кто может сознательно или случайно вводить остальных в заблуждение.

— Моя бумага современная, — сказал Кирилл через двадцать минут.

— Почему? — спросила Алиса.

— Волокна слишком ровные.

— Ты видишь волокна с расстояния десять сантиметров?

— Я работаю в архиве.

— Он просто хочет, чтобы вы поверили человеку с профессиональным авторитетом, — сказал Глеб.

Кирилл показал ему неприличный жест.

— Вот мой профессиональный авторитет.

Лиза сказала:

— У меня странное письмо. Автор просит сестру уничтожить предыдущую записку, но объясняет причину так подробно, что это бессмысленно, если сестра уже знает контекст.

Я вспомнила прошлое занятие.

— Он пишет для будущего читателя.

Ветровский не вмешивался.

— А если письмо поддельное именно потому, что слишком хорошо имитирует тему прошлого семинара? — спросил Тимур.

— Тогда Ветровский ленив, — сказал Денис.

— Это возможно, — ответил профессор.

В итоге мы выбрали фотографию Глеба.

Ошиблись.

Поддельным было письмо Лизы.

— Почему? — спросила она.

Ветровский разрезал конверт и показал внутренний слой бумаги.

— Современная бумага, искусственно состаренная. Текст я написал утром.

— Но содержание...

— Было сконструировано так, чтобы вы доверились логике Морозовой с прошлого занятия.

Я почувствовала себя немного глупо.

— То есть вы использовали наш предыдущий вывод против нас.

— Да.

— Зачем?

Ветровский сел.

— Потому что опыт не только помогает распознавать ложь. Иногда он создаёт шаблон, через который мы начинаем видеть ложь даже там, где её нет.

Глеб посмотрел на меня.

— Слышала, Морозова? Иногда совпадение — просто совпадение.

— Не радуйся.

Когда Ветровский отпустил нас, никто не встал сразу.

Денис вертел в руках фальшивое письмо Лизы.

— Можно забрать?

— Зачем? — спросил Ветровский.

— Когда станете знаменитым преступником, продам.

— Боюсь, рынок моих подделок уже перенасыщен.

Фраза прозвучала так спокойно, что только Кирилл поднял глаза. Я тоже заметила, но тогда решила, что профессор шутит.

Мы перебрались в маленькую кухню рядом с библиотекой. Там стояли чайник, четыре кружки и банка растворимого кофе, на которой кто-то написал маркером «не для людей».

— Это Ветровский? — спросила я.

— Тамара Павловна, — ответил Кирилл. — У профессора почерк красивее.

Лиза нашла пачку чая.

— Чей жасмин?

— Мой, — сказал Тимур.

— Теперь наш.

— Коммунизм пришёл с неожиданной стороны.

Пока закипал чайник, Денис предложил каждому назвать, кому он меньше всего доверял во время задания.

— Тебе, — сказала Алиса.

— Почему сразу мне?

— Ты улыбался до того, как открыл конверт.

— Я всегда улыбаюсь.

— Вот именно.

Тимур не доверял Кириллу, потому что «профессиональная уверенность особенно опасна, когда человек ошибается». Кирилл выбрал Ветровского.

— Он единственный знал ответ.

— Это нарушение правил, — заметила Лиза.

— Я архивист. Я привык подозревать человека, который составлял опись.

Когда очередь дошла до меня, я сказала:

— Глебу.

— Предсказуемо, — отозвался он.

— Ты очень убедительно доказывал, что твоя фотография настоящая.

— Она и была настоящая.

— Именно. Ты звучал так, будто врёшь.

— Это талант.

— Семейный? — спросил Денис.

На секунду стало тихо.

Глеб посмотрел на него, потом усмехнулся.

— Возможно.

Лиза первой перевела тему. Она рассказала, что на первом курсе реставраторов заставляют сделать копию старой страницы так, чтобы преподаватель нашёл все ошибки.

— А если не найдёт?

— Значит, ты либо гений, либо преподаватель устал.

— И что потом с копиями? — спросила я.

— Подписываем огромными буквами «УЧЕБНАЯ». Чтобы через сто лет какой-нибудь самоуверенный исследователь не построил на ней диссертацию.

Кирилл засмеялся.

— Наконец-то этичный человек среди нас.

— Не спеши.

Она бросила в него пакетик сахара. Кирилл поймал одной рукой и сделал вид, что кланяется.

Алиса наблюдала за ними чуть дольше, чем требовалось.

Я заметила это, но не придавала значения.

В тот вечер почти всё было именно таким: заметным и неважным.

Потом Денис начал спорить, можно ли считать подделку произведением искусства, если она лучше оригинала. Тимур говорил, что вопрос поставлен некорректно. Алиса доказывала, что эстетическая ценность и подлинность вообще находятся в разных плоскостях. Кирилл открыл банку кофе с предупреждением и после первого глотка признал, что Тамара Павловна была права.

Глеб стоял рядом со мной у окна.

— Ты всё записываешь? — спросил он.

Я посмотрела на тетрадь.

— Привычка.

— Даже наши глупости?

— Особенно ваши глупости.

— Тогда я буду осторожнее.

— Поздно. Материала уже достаточно.

Он наклонился, будто хотел прочитать через плечо. Я захлопнула тетрадь.

— Частная собственность.

— Ты только что украла архивную фотографию.

— Это другое.

— Конечно.

На кухне пахло дешёвым кофе, мокрыми пальто и старой пылью из книг. За стеклом темнел парк. Никто не выглядел участником тайного общества. Мы были просто семеро студентов, которые задержались после занятия и никак не могли разойтись.

Наверное, поэтому потом я так долго возвращалась к этому вечеру.

Не чтобы найти улику.

Чтобы вспомнить время, когда нам ещё нечего было друг другу прощать.

После занятия мы вышли в парк.

Первый снег лежал тонким слоем на скамейках. Денис ушёл звонить матери. Тимур и Кирилл спорили о задании впереди. Алиса шла с Лизой.

Мы с Глебом оказались чуть позади.

— Тебе правда знакома моя фамилия? — спросила я.

— Я думал об этом.

— И?

— Видел её в списке кандидатов фонда. Отец пометил рядом что-то вручную.

— Что?

— Не помню. Это было летом.

— Зачем ты вообще смотрел его бумаги?

— Искал ключи от машины.

— У вас семейный талант к случайному обнаружению компромата.

— Да.

— Спросишь?

— Он не ответит по телефону.

— Почему?

— Потому что всё важное отец обсуждает в комнате, где уверен, что нет записи.

— Параноик.

— Или человек с опытом.

Глеб остановился у развилки.

— Вера, тебе не кажется странным, что тебя выбрал фонд моего отца, потом кто-то подделал приглашение Ветровского, а теперь ты находишь женщину, которая на тебя похожа?

— Кажется.

— И ты всё равно собираешься продолжать.

— Да.

— Почему?

Я подумала.

— Потому что до фотографии мне казалось, что я просто приехала учиться. А теперь кто-то другой знает про меня то, чего не знаю я. Я это ненавижу.

Глеб кивнул.

— Понимаю.

— У тебя тоже так с отцом?

Он помолчал.

— Всю жизнь.

Это был первый разговор, после которого я перестала считать его просто богатым самоуверенным придурком.

Не полностью.

Но процентов на двадцать.

ГЛАВА 9. ДОМ ВОРОНЦОВЫХ

Дом Константина Воронцова оказался не домом, а квартирой в старом особняке на Каменном острове, где даже подъезд выглядел так, будто в нём нельзя громко разговаривать.

В субботу утром я встретила Глеба у ворот Академии. Он приехал на серой машине, которую я видела несколько раз на парковке, и бросил мне с пассажирского сиденья пачку кофе.

— Это взятка?

— Завтрак.

— Тогда очень грустный.

— В бардачке есть батончик.

— Теперь лучше.

Дорога заняла чуть больше часа. Глеб включил музыку и почти не говорил. Я тоже. В машине было тепло, за окнами лежал грязный снег, и временами происходящее казалось настолько нелепым, что хотелось попросить высадить меня у ближайшей станции и вернуться к нормальной жизни — к курсовым, столовой и спору о том, кто занял стиральную машину на три часа.

Но фотографии Анны в телефоне хватало, чтобы это желание прошло.

— Отец точно уехал? — спросила я, когда мы свернули во двор.

— На совете фонда в Москве. Вернётся вечером.

— А если нет?

— Тогда мы будем изображать детей, которые приехали за учебником.

— Ты здесь живёшь.

— Тем убедительнее.

В квартире пахло деревом и кофе. Не музейно, как я ожидала, а довольно обжито: на тумбе валялись ключи, в коридоре стояли две пары мужских кроссовок, на кухонном столе лежала раскрытая газета.

— Разочарована? — спросил Глеб.

— Чем?

— Отсутствием портрета предка верхом на коне.

— Я ещё не всё осмотрела.

Кабинет Константина был заперт.

Глеб достал связку ключей.

— Ты носишь ключ от кабинета отца?

— Это мой старый дом. Я здесь вырос.

— У тебя на всё есть нормальное объяснение. Раздражает.

— Прости.

Ключ не подошёл.

Второй тоже.

— Он сменил замок, — сказал Глеб.

— После того как ты в пятнадцать лет нашёл фотографию?

— Не сразу.

— То есть ты всё-таки регулярно обыскивал кабинет.

— Я предпочитаю слово «исследовал».

Мы стояли перед дверью, когда из кухни донёсся звук кофемашины.

Глеб повернулся ко мне.

— Он дома.

— Очень хорошая разведка.

— Я проверял календарь.

— Видимо, у него есть тайный семинар по субботам.

Шаги приблизились.

Константин Воронцов появился в коридоре в тёмных брюках и белой рубашке с закатанными рукавами. Увидев сына, он сначала удивился. Увидев меня — нет.

Это было хуже.

— Глеб.

— Пап.

— Ты не предупредил.

— Решил сохранить семейную традицию.

Константин перевёл взгляд на меня.

— Вера Морозова.

Не вопрос.

— Мы знакомы?

— Нет. Но я знаю список стипендиатов своего фонда.

Ложь была вполне правдоподобной. Наверное, поэтому я ей не поверила.

— Нам нужно поговорить о две тысячи третьем, — сказал Глеб.

Отец медленно поставил чашку на консоль.

— Нет.

— Тогда о семнадцатом ноября.

Константин посмотрел на сына долгим взглядом.

— Кто вам дал эту дату?

— Почему все спрашивают именно это? — не выдержала я. — Никто не говорит «ничего не произошло». Все хотят узнать, откуда мы знаем.

— Потому что вы лезете в историю людей, которых не знаете.

— Тогда познакомьте.

— Вера, — произнёс он уже мягче, — если вы получили место в Академии, у вас есть редкая возможность заниматься своей жизнью. Используйте её.

— Место я получила сама.

— Я не имел в виду обратного.

— А стипендию?

На этот раз пауза была заметной.

Глеб повернулся к отцу.

— Что со стипендией?

— Ничего.

— Ты знал фамилию Веры до поступления?

Константин взял чашку.

— В фонд приходит много заявок.

— Ты знал?

— Да.

У меня внутри что-то холодно опустилось.

— Почему?

— Потому что я знал вашу семью.

— Анну Белову?

Чашка осталась у его губ, но он не отпил.

— Где вы слышали это имя?

Я показала фотографию на телефоне.

Константин сел на край кресла.

— У тебя остался оригинал? — спросил Глеб.

— Нет.
— Врёшь.
— Следи за тоном.
— Потрясающе. Мы обсуждаем женщину, которую вычеркнули из архивов, а тебя беспокоит мой тон.
Константин прикрыл глаза.
— Анна училась со мной.
— И?
— Она ушла из Академии.
— Куда?
— Не знаю.
— Почему её нет в документах?
— Это вопрос не ко мне.
— Ты был здесь ночью семнадцатого ноября.
Лицо Константина стало жёстким.
— Разговор закончен.
— Нет, — сказал Глеб.
— Да.
Он встал.
— И тебе, Глеб, я советую не путать любопытство с принципами. Любопытство проходит. Последствия остаются.
Я тоже поднялась.
— Кирилл Орлов нашёл журнал охраны. Коробка исчезла на следующее утро.
Константин посмотрел на меня резко.
— Кто такой Кирилл Орлов?
— Студент. Работает в архиве.
— Он видел материалы?
— Да.
Страх промелькнул слишком быстро, чтобы его можно было назвать иначе.
— Скажите ему остановиться.
— Почему?
— Просто скажите.
— Это угроза?
— Нет.
Он подошёл к двери кабинета, достал из кармана ключ и открыл её.
— Это совет человека, который однажды уже не остановился вовремя.
Из кабинета он вынес кожаную папку.
Фотография лежала внутри.
Настоящая, не снимок на телефоне.
Он протянул её мне.
На обороте под именем Анны была дописана ещё одна строка.
«Не позволяйте им сделать вид, что меня не было».
Почерк был женским.
— Это написала она? — спросила я.
Константин кивнул.
— Когда?
— За два дня до того, как исчезла.
— Что значит исчезла?
— То и значит.

— Она умерла?

— Тогда мы не знали.

— А потом?

Он посмотрел на меня, и в его лице впервые не было ни власти, ни раздражения.

Только усталость.

— Потом нам сказали, что да.

— Кто?

Константин не ответил.

Но я уже знала, чьё имя он не произносит.

Инна Серебрякова.

ГЛАВА 10. АННА

В понедельник Кирилл пришёл в столовую с красными глазами и двумя папками под мышкой.

— Ты спал?

— Я молод. Мне необязательно.

— Врёшь.

— Конечно.

Он выложил на стол распечатки.

За выходные он нашёл две вещи.

Первая: в старом каталоге приёмной комиссии была запись на имя **Анны Викторовны Беловой**, 1982 года рождения, Псковская область. Зачислена в 2000 году.

Вторая: электронное личное дело отсутствовало, а бумажное было списано как утраченное при протечке 2010 года.

— Протечка была? — спросила я.

— Была. Только пострадал другой стеллаж.

— Откуда знаешь?

— Я описывал акт.

Он достал копию.

— Личное дело Анны должно было лежать в секторе, который вообще не намок.

Я смотрела на год рождения.

Если Анна была моей родственницей, бабушка могла знать.

— Я поеду домой.

— Сейчас?

— В пятницу. У нас свободная суббота.

Кирилл откинулся на спинку стула.

— Можно проще.

— Позвонить и снова услышать неправду?

— Да, но дешевле.

— Мне надо увидеть бабушку.

— Тогда ладно.

Он сделал глоток кофе и поморщился.

— Есть ещё кое-что.

— Ты специально оставляешь худшее напоследок?

— Учусь у Ветровского.

Он протянул лист.

Ксерокопия страницы из телефонной книги общежития за 2003 год.

Белова Анна — комната 317.

Рядом карандашом было написано: **П. Роцин** и номер телефона.

— Тот Павел Роцин с фотографии?

— Похоже.

— Нашёл его?

— Пока только старую диссертацию. Он бросил Академию в декабре две тысячи третьего.

— Сразу после исчезновения Анны.

— Угу.

— И никто не счёл это странным?

— Вера, люди уходят из университетов постоянно. Станным всё становится только задним числом.

В этот момент к нашему столу подошла Лиза.

— Вы двое выглядите так, будто продаёте государственную тайну.

Кирилл накрыл бумаги ладонью.

— Мы обсуждаем столовую.

— Тогда выражение лиц оправдано.

Она села рядом.

— Ветровский перенёс семинар на сегодня.

— Почему? — спросила я.

— Не сказал. В восемь.

Вечером Северная библиотека встретила нас без свечей.

Ветровский включил обычный свет. На столе лежали семь одинаковых папок.

— Сегодня поговорим о доверии к источнику, — сказал он.

Он раздал каждому по странице.

На моей было письмо женщины мужу. Она утверждала, что не видела его брата в ночь убийства.

— У вас двадцать минут, — сказал профессор. — Решите, лжёт ли автор.

Мы начали читать.

Через десять минут Алиса подняла руку.

— Этого недостаточно.

— Почему?

— Нет контекста. Мы не знаем отношений, обстоятельств, даже точной даты.

— И всё же историки регулярно делают выводы на худшем материале.

Тимур сказал:

— Автор лжёт.

— Основание?

— Слишком много ненужных подробностей вокруг единственного прямого ответа.

— Воронцов?

— Она говорит правду о том, что не видела брата. Но скрывает другое.

Ветровский посмотрел на меня.

— Морозова?

Я перечитала последнее предложение письма.

— Она не пишет мужу.

Ветровский чуть наклонил голову.

— Продолжайте.

— Она пишет тому, кто потом будет читать это письмо. Здесь слишком много объяснений для близкого человека. Она создаёт документ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.